

Княжна Джаваха. Мой принц

Нина — дочь грузинского князя, боевого офицера. Она рано потеряла маму и вынуждена была быстро повзрослеть. Отец воспитал девочку как мальчишку-сорванца: она увлекается верховой ездой и джигитовкой, мечтает о приключениях. Но бабушка считает, что юная княжна должна вести себя так, как подобает настоящей леди. Вот только сама Нина желает себе другой судьбы. Когда она узнает, что отец принял решение жениться во второй раз, девушке кажется, что ее предали. Нина идет на отчаянный шаг: переодевшись мальчиком, она убегает в горы. Какие опасности подстерегают юную княжну? Горы кишат разбойниками. Но пути назад нет...

Также в книгу вошло произведение «Маленький принц».

Социалтика
XIX Века

Лидия Марская

КНЯЖНА
ДЖАВАХА

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Louannmuka
XIX *Beke*

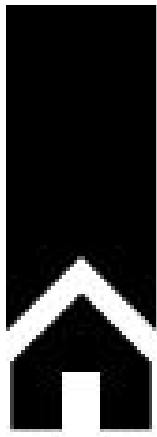

Аудия Чарская

Княжна Джаваха
Мой принц

Повести

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2019

ISBN 978-617-12-6619-3 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

В книге в основном сохранена пунктуация начала XX века

Дизайн обложки агентства Тим+

В оформлении обложки использован фотопортрет княжны Марии Прокофьевны Шервашидзе
неизвестного фотографа

Ніна — дочка грузинського князя, бойового офіцера. Вона рано втратила матір і змушена була швидко подорослішати. Батько виховав дівчинку як хлопчиська-шибеника: вона захоплюється верховою їздою та гарцюванням, мріє про пригоди. Але бабуся вважає, що юна княжна мусить поводитися як справжня леді. Щоправда, сама Ніна бажає собі

іншої долі. Коли дівчина дізнається, що батько одружиться вдруге, їй здається, що її зрадили. Ніна зважується на відчайдушний крок: переодягнувшись хлопчиком, вона тікає в гори. Які небезпеки чатують на юну княжну? Гори кишать розбійниками. Але дороги назад немає...

Видання також містить твір «Мій принц».

Чарская Л.

**Ч-22 Княжна Джаваха. Мой принц : повести / Лидия Чарская. —
Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. —
384 с. — (Серия «Великие романистки XIX века», ISBN 978-617-12-
6123-5)**

ISBN 978-617-12-6298-0

Нина — дочь грузинского князя, боевого офицера. Она рано потеряла маму и вынуждена была быстро повзрослеть. Отец воспитал девочку как мальчишку-сорванца: она увлекается верховой ездой и джигитовкой, мечтает о приключениях. Но бабушка считает, что юная княжна должна вести себя так, как подобает настоящей леди. Вот только сама Нина желает себе другой судьбы. Когда девушка узнает, что отец принял решение жениться во второй раз, ей кажется, что ее предали. Нина идет на отчаянный шаг: переодевшись мальчиком, она убегает в горы. Какие опасности подстерегают юную княжну? Горы кишат разбойниками. Но пути назад нет...

Также в книгу вошло произведение «Мой принц».

УДК 821.161.1

© ТИМ+, обложка, 2019

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

Часть первая. На Кавказе

Глава 1. Первые воспоминания. Хаджи-Магомет. Черная роза

Я грузинка. Мое имя Нина — княжна Нина Джаваха-оглы-Джамата. Род князей Джамата — славный род; он известен всему Кавказу, от Риона и Куры до Каспийского моря и Дагестанских гор.

Я родилась в Гори, чудном, улыбающемся Гори, одном из самых живописных и прелестных уголков Кавказа, на берегах изумрудной реки Куры.

Гори лежит в самом сердце Грузии, в прелестной долине, нарядный и пленительный со своими развесистыми чинарами, вековыми липами, мохнатыми каштанами и розовыми кустами, наполняющими воздух пряным, одуряющим запахом красных и белых цветов. А кругом Гори — развалины башен и крепостей, армянские и грузинские кладбища, дополняющие картину, отдающую чудесным и таинственным преданием старины...

Вдали синеют очертания гор, белеют перловым туманом могучие, недоступные вершины Кавказа — Эльбрус и Казбек, над которыми парят гордые сыны Востока — гигантские серые орлы...

Мои предки — герои, сражавшиеся и павшие за честь и свободу своей родины.

Еще недавно Кавказ дрожал от пушечных выстрелов и всюду раздавались стоны раненых. Там шла непрерывная война с полудикими горцами, делавшими постоянные набеги на мирных жителей из недр своих недоступных гор.

Тихие, зеленые долины Грузии плакали кровавыми слезами...

Во главе горцев стоял храбрый вождь Шамиль, одним движением глаз рассылавший сотни и тысячи своих джигитов в христианские селения... Сколько горя, слез и разорения причиняли эти набеги! Сколько плачущих жен, сестер и матерей было в Грузии...

Но вот явились русские и вместе с нашими воинами покорили Кавказ. Прекратились набеги, скрылись враги, и обессиленная войною страна вздохнула свободно...

Между русскими вождями, смело выступившими на грозный бой с Шамилем, был и мой дед, старый князь Михаил Джаваха, и его

сыновья — смелые и храбрые, как горные орлы...

Когда отец рассказывал мне подробности этой ужасной войны, унесшей за собою столько храбрых, мое сердце билось и замирало, словно желая вырваться из груди...

Я жалела в такие минуты, что родилась слишком поздно, что не могла скакать с развевающимся в руках белым знаменем среди горсти храбрецов по узким тропинкам Дагестана, повисшим над страшными стремнинами...

Во мне сказывалась южная, горячая кровь моей матери.

Мама моя была простая джигитка из аула Бестуди... В ауле этом поднялось восстание, и мой отец, тогда еще совсем молодой офицер, был послан с казачьей сотней усмирять его.

Восстание усмирили, но отец мой не скоро уехал из аула...

Там, в сакле старого Хаджи-Магомета, он встретил его дочку — красавицу Марию...

Черные очи и горные песни хорошенькой татарки покорили отца, и он увез Марию в Грузию, где находился его полк.

Там она приняла христианскую веру, против желания разгневанного старика Магомета, и вышла замуж за русского офицера.

Старый татарин долго не мог простить этого поступка своей дочери...

Я начинаю помнить маму очень, очень рано. Когда я ложилась в кроватку, она присаживалась на край ее и пела песни с печальными словами и грустным мотивом. Она хорошо пела, моя бедная красавица деда¹!

И голос у нее был нежный и бархатный, как будто нарочно созданный для таких печальных песен... Да и вся она была такая нежная и тихая, с большими, грустными черными глазами и длинными косами до пят. Когда она улыбалась — казалось, улыбалось небо...

Я обожала ее улыбки, как обожала ее песни... Одну из них я отлично помню. В ней говорилось о черной розе, выросшей на краю пропасти в одном из ущелий Дагестана... Порывом ветра пышную дикую розу снесло в зеленую долину... И роза загрустила и зачахла вдали от своей милой родины... Слабея и умирая, она тихо молила горный ветерок отнести ее привет в горы...

Несложная песня с простыми словами и еще более простым мотивом, но я обожала эту песню, потому что ее пела моя красавица

мать.

Часто, оборвав песню на полуслове, деда схватывала меня на руки и, прижимая тесно-тесно к своей худенькой груди, лепетала сквозь смех и слезы:

— Нина, джаным², любишь ли ты меня?

О, как я любила, как я ее любила, мою ненаглядную деду!..

Когда я становилась рассудительнее, меня все больше и больше поражала печаль ее прекрасных глаз и тоскливых напевов.

Как-то раз, лежа в своей постельке с закрытыми от подступавшей дремоты глазками, я невольно услышала разговор мамы с отцом.

Она смотрела вдаль, на вьющуюся черной змееобразной лентой тропинку, убегающую в горы, и тоскливо шептала:

— Нет, сердце мое, не утешай меня, он не приедет!

— Успокойся, моя дорогая, он опоздал сегодня, но он будет у нас, непременно будет, — успокаивал ее отец.

— Нет, нет, Георгий, не утешай меня... Мулла его не пустит...

Я поняла, что мои родители говорили о деде Хаджи-Магомете, все еще не желавшем простить свою христианку-дочь.

Иногда дед приезжал к нам. Он появлялся всегда внезапно со стороны гор, худой и выносливый, на своем крепком, словно из бронзы вылитом, коне, проведя несколько суток в седле и несколько не утомляясь длинной дорогой.

Лишь только высокая фигура всадника показывалась вдали, моя мать, оповещенная прислугой, сбегала с кровли, где мы проводили большую часть нашего времени (привычка, занесенная ею из родительского дома), и спешила встретить его за оградой сада, чтобы, по восточному обычаю, подержать ему стремя, пока он сходил с коня.

Наш денщик, старый грузин Михако, принимал лошадь деда, а старик Магомет, едва кивнув головой моей матери, брал меня на руки и нес в дом.

Меня дедушка Магомет любил исключительно. Я его тоже любила, и, несмотря на его суровый и строгий вид, я ничуть его не боялась...

Лишь только, поздоровавшись с моим отцом, он усаживался с ногами, по восточному обычаю, на пестрой тахте, я вскакивала к нему на колени и, смеясь, рылась в карманах его бешмета³, где всегда находились для меня разные вкусные лакомства, привезенные

из аула. Чего тут только не было — и засахаренный миндаль, и кишмиш, и несколько приторные медовые лепешки, мастерски приготовленные хорошенькой Бэллой — младшей сестренкой моей матери.

— Кушай, джаным, кушай, моя горная ласточка, — говорил он, приглаживая жесткой и худой рукой мои черные кудри.

И я не заставляла себя долго просить и наедалась до отвалу этих легких и вкусных, словно таявших во рту лакомств.

Потом, покончив с ними и все еще не сходя с колен деда, я прислушивалась внимательным и жадным ухом к тому, что он говорит с моим отцом.

А говорил он много и долго... Говорил все об одном и том же: о том, как упрекает и стыдит его при каждой встрече старик мулла за то, что он отдал свою дочь урису⁴, что допустил ее отречься от веры Аллаха и спокойно пережил ее поступок.

Отец, слушая деда, крутил только свой длинный черный ус да хмурил свои тонкие брови.

— Слушай, кунак⁵ Магомет, — вырвалось у него в одну из таких бесед, — тебе нечего беспокоиться за твою дочь: она счастлива, ей хорошо здесь, наша вера стала ей родной и близкой. Да и поправить сделанного нельзя... Не беспокой же ты даром мою княгиню. Видит Бог, она не переставала быть тебе покорной дочерью. Передай это своему мулле, и пусть он поменьше заботится о нас, да поусерднее молится Аллаху.

Боже мой, как вспыхнуло от этих слов лицо деда!.. Он вскочил с тахты... Глаза его метали молнии... Он поднял загоревшийся взор на отца — взор, в котором сказалась вся полудикая натура кавказского горца, и заговорил быстро и грозно, мешая русские, татарские и грузинские слова:

— Кунак Георгий... ты урус, ты христианин и не поймешь ни нашей веры, ни нашего Аллаха и его пророка... Ты взял жену из нашего аула, не спросясь желанья ее отца... Аллах наказывает детей за непокорность родителям... Марием знала это и все же пренебрегла верою отцов и стала твоею женою... Мулла прав, не давая ей своего благословения... Аллах вещает его устами, и люди должны внимать воле Аллаха...

Он говорил еще долго-долго, не подозревая, что каждое его слово прочно западает в юную головку прижавшейся в уголок тахты маленькой девочки.

А моя бедная деда слушала сурового старика, дрожа всем телом и бросая на моего отца умоляющие взоры. Он не вынес этого немого укора, крепко обнял ее и, передернув плечами, вышел из дому. Через несколько минут я видела, как он скакал по тропинке в горы. Я смотрела на удаляющуюся фигуру отца, на стройный силуэт коня и всадника, и вдруг точно что-то толкнуло меня к Хаджи-Магомету.

— Деда! — неожиданно прозвучал среди наступившей тишины мой детский звонкий голос, — ты злой, деда, я не буду любить тебя, если ты не простишь маму и будешь обижать папу! Возьми назад твой кишмиш и твои лепешки; я не хочу их брать от тебя, если ты не будешь таким же добрым, как папа!

И, недолго думая, я быстро вывернула карманы, куда набрала привезенные дедом лакомства, и выбросила все их содержимое на колени изумленного старика.

Моя мать, прижавшись в угол комнаты, делала мне отчаянные знаки, но я не обращала на них внимания.

— На, на! и свой кишмиш бери, и лепешки бери, и армянские пряники... ничего, ничего не хочу от тебя, злой, недобрый деда! — твердила я, вся дрожа, как в лихорадке, продолжая выкидывать из карманов привезенные им лакомства.

— Кто учит ребенка непочтению к старости? — загремел на весь дом голос Хаджи-Магомета.

— Никто не учит меня, деда! — смело крикнула я. — Моя мама, хоть не молится на восток, как ты и Бэлла, но она любит вас, и аул твой она любит, и горы, и скучает без тебя и молится Богу, когда ты долго не едешь, и ждет тебя на кровле... Ах, деда, деда, ты и не знаешь, как она тебя любит!

Что-то необъяснимое при этих словах промелькнуло в лице старика. Орлиный взор его упал на маму. Вероятно, много муки и любви прочел он в глубине ее черных, кротких глаз, — только его собственные глаза заблестели ярко-ярко и словно задержались набежавшей в них влагой.

— Правда ли, джаным? — скорее прошептал, нежели спросил Хаджи-Магомет.

— О, батано!⁶ — стоном вырвалось из груди моей матери, и, подавшись вперед всем своим гибким и стройным станом, она упала к ногам деда, тихо всхлипывая и лепеча одно только слово, в котором выражалась вся ее беспредельная любовь к нему:

— О, батано, батано!

Он схватил ее, поднял и прижал к своей груди.

Я не помню, что было дальше... Я понеслась, как бешеная горная лошадка, по тенистым аллеям нашего сада, будучи не в силах удержать порыв восторженного счастья, захватившего могучей волной мое детское сердечко...

Я носилась, задыхаясь, плача и смеясь в одно и то же время... Я была счастлива, как никогда, острым, захватывающим, почти невыносимым порывом счастья...

Когда, несколько успокоенная, я вернулась в комнату, то увидела мою мать, сидящую у ног деда... Его рука лежала на ее чернокудрой голове, и в глазах обоих сияла радость.

Отец, вернувшийся во время моей бешеной скачки по саду, подхватил меня на руки и покрыл мое лицо десятком самых горячих и нежных поцелуев... Он был так счастлив за маму, мой гордый и чудный отец!

Это был лучший день в моей жизни. Это было первое настоящее, сознательное счастье, и я наслаждалась им всем моим юным сердечком...

Вечером у моей постельки они собрались все трое — отец, мать, деда — и я, смеясь сквозь дымку дремоты, соединяла их большие руки в моих крошечных кулаках и заснула под тихий шепот их ласкового говора...

Новая, чудесная, мирная жизнь воцарилась под нашей кровлей. Дед Магомет чаще приезжал из аула, один или с Бэллой, моей молоденькой теткой — участницей моих детских игр и проказ.

Но наше счастье длилось недолго. Прошло всего несколько месяцев после того блаженного дня, как вдруг моя бедная дорогая мама тяжело заболела и скончалась. Говорят, она зачахла от тоски по родному аулу, который не могла даже навещать, боясь оскорблений со стороны фанатиков-татар и непримиримого врага ее — старого муллы.

Весь Гори оплакивал маму... Полк отца, знавший ее и горячо любивший, рыдал, как один человек, провожая ее худенькое тельце,

засыпанное дождем роз и магнолий, на грузинское кладбище, разбитое поблизости Гори.

Мне не верилось до последней минуты, что она умирала...

Перед смертью она не сходила с кровли дома, откуда любовалась синеющими вдали горами и серебристо-зеленой лентой Куры...

— Там Дагестан... там аул... там мои горы... Там отец и Бэлла... — шептала она между приступами кашля и указывала вдаль, по направлению северо-востока, крошечной, почти детской, вследствие поразительной худобы, рукой.

И вся она, укутанная белой буркой, казалась нежным, прозрачным ангелом восточного неба.

Я помню с мучительной ясностью вечер, когда она умирала...

Тахту, на которой она лежала, подняли на кровлю, чтобы она могла полюбоваться горами и небом...

Гори засыпал, обвеянный крылом благоуханной восточной ночи... Спали розы на садовых кустах, спали соловьи в чинаровых рощах, спали руины таинственной крепости, спала Кура в своих изумрудных берегах, и только несчастье одно не спало, одна смерть бодрствовала, поджидая жертву.

Мама лежала с открытыми глазами, странно блестящими среди наступающей темноты... Точно какой-то свет исходил из этих глаз и освещал все ее лицо, обращенное к небу. Лучи месяца золотыми иглами скользили по густым волнам ее черных волос и венчали блестящей короной ее матово-белый лоб.

Отец и я притихли у ее ног, боясь нарушить покой умирающей, но она сама поманила нас трепещущей рукой и, когда мы склонились к ее лицу, заговорила быстро, но тихо-тихо, чуть внятно:

— Я умираю... да, это так... я умираю... но мне не горько, не страшно... Я счастлива... я счастлива тем, что умираю христианкой... О, как хороша она — твоя вера, Георгий, — прибавила она, повернувшись в сторону моего отца, припавшего к ее изголовью, — и я удостоилась ее... Я христианка... я иду к моему Богу... Единственному и Великому... Не плачь, Георгий, береги Нину... я буду смотреть на вас... буду любоваться вами... а потом... не скоро, да, но все же мы соединимся... Не плачьте... прощайте... до свиданья... Как жаль, что нет отца... Бэллы... Передайте им, что я их люблю... и прощаюсь с ними... Прощай и ты, Георгий, моя радость,

спасибо тебе за счастье, которым ты подарил меня... Прощай, свет очей моих... Прощай, моя джаным... моя Нина... Моя малюточка... Прощайте оба... не забывайте... черной розы...

Начинался бред... Потом она уснула... чтобы никогда больше не просыпаться. Она умерла тихо, так тихо, что никто не заметил ее кончины...

Я задремала, прикорнув щекою к ее худенькой руке, а проснулась под утро от ощущения холода на моем лице. Рука мамы сделалась синей и холодной, как мрамор... А у ног ее бился, рыдая, мой бедный, осиротевший отец.

Гори просыпался... Лучи восхода осветили печальную картину. Я не могла плакать, хотя ясно сознавала случившееся. Точно ледяные оковы сковали мое сердце...

А внизу по берегу Куры скакал всадник. Он, видимо, торопился в Гори и безжалостно горячил коня.

Вот он близко... близко... Я узнала в нем деда Магомета...

Еще немного — и всадник пропал под горою. Внизу хлопнула калитка... Кто-то по-юношески быстро пробежал лестницу, и в ту же минуту Хаджи-Магомет вошел на кровлю.

Трудно передать тот вопль отчаяния и бессильного, почти нечеловеческого горя, который вырвался из груди несчастного отца при виде тела дочери.

Страшен был крик деда Магомета... он потряс, казалось, не только кровлю нашего дома, но и весь Гори и диким эхом раскатился в горах, по ту сторону Куры. Вслед за первым воплем раздался второй и третий... Потом дед внезапно затих и, упав на пол, лежал без движения, широко разметав свои сильные руки.

Теперь только поняла я, как бесконечно дорога была моя мать этому полудикому питомцу горных аулов...

Вряд ли подозревала она когда-нибудь о силе этой молчаливой отцовской привязанности, вряд ли понимала она своего сурового фанатика-отца!

Если б она могла это чувствовать на своем смертном ложе, каким счастьем озарилось бы ее прекрасное лицо!

Но — увы! — ни понимать, ни чувствовать она уже не могла. Перед нами был труп, едва начинающий стынуть, труп той, которая еще так

недавно пела свои чудесные песни, полные восточной грусти, и смеялась тихим, печальным смехом. Только труп...

Она умерла — моя красавица деда! Черная роза обрела свою родину... Ее душа возвратилась в горы...

Глава 2. Бабушка. Отец. Последний отпрыск славного рода

Деды не стало... На горийском кладбище прибавилась еще одна могила... Под кипарисовым крестом, у корней громадной чинары, спала моя деда! В доме наступила тишина, зловещая и жуткая. Отец заперся в своей комнате и не выходил оттуда. Дед ускакал в горы... Я бродила по тенистым аллеям нашего сада, вдыхала аромат пурпуровых бархатистых розанов и думала о моей матери, улетевшей в небо... Михако пробовал меня развлечь... Он принес откуда-то орленка со сломанным крылом и поминутно обращал на него мое внимание:

— Княжна, матушка, глянь-ка, пищит!

Орленок, действительно, пищал, изнывая в неволе, и своим писком еще более растревлял мое сердце. «Вот и у него нет матери, — думалось мне, — и он, как я!»

И мне становилось нестерпимо грустно.

— Михако, голубчик, отнеси орленка в горы, может быть, он найдет свою деду, — упрашивала я старого казака, в то время как сердце мое разрывалось от тоски и жалости.

Наконец, отец вышел из своей комнаты. Он был бледен и худ, так худ, что военный длиннополый бешмет висел на нем, как на вешалке.

Увидя меня с печальным лицом бродившей по чинаровой аллее, он подозвал меня к себе, прижал к груди и шепнул тихо-тихо:

— Нина, чеми патара сакварело!⁷

Голос у него был полон слез, как у покойной деды, когда она пела свои печальные горные песни.

— Сакварело, — прошептал еще раз отец и покрыл мое лицо поцелуями. В тяжелые минуты он всегда говорил по-грузински, хотя всю свою жизнь находился между русскими.

— Папа, милый, бесценный папа! — ответила я ему и в первый раз со дня кончины мамы тяжело и горько разрыдалась.

Отец поднял меня на руки и, прижимая к сердцу, говорил мне такие ласковые, такие нежные слова, которыми умеет только дарить чудесный, природой избалованный Восток!

А кругом нас шелестели чинары, и соловей начинал свою песню в каштановой роще за горийским кладбищем.

Я ласкалась к отцу, и сердце мое уже не разрывалось тоскою по покойной маме, — оно было полно тихой грусти... Я плакала, но уже не острыми и больными слезами, а какими-то тоскливыми и сладкими, облегчающими мою наболевшую детскую душу...

Потом отец кликнул Михако и велел седлать своего Шалого. Я боялась поверить своему счастью: моя заветная мечта побывать с отцом в горах осуществлялась.

Это была чудная ночь!

Мы ехали с ним, тесно прижавшись друг к другу, в одном седле на спине самой быстрой и нервной лошади в Гори, понимающей своего господина по одному слабому движению повода...

Вдали высокими синими силуэтами виднелись мохнатые горы, внизу бежала засыпающая Кура... Из дальних ущелий поднималась седая дымка тумана, и точно вся природа курила нежный фимиам подкрадывавшейся ночи.

— Отец! как хорошо все это! — воскликнула я, заглядывая ему в глаза.

— Хорошо, — тихим, точно чужим голосом ответил он.

И, взглядевшись пристальнее в его черные, ярко горящие зрачки, я заметила в них две крупные слезы. Должно быть, он вспомнил деду.

— Папа, — тихо произнесла я, как бы боясь нарушить чарующее впечатление ночи, — мы часто будем так ездить с тобою?

— Часто, голубка, часто, моя крошка, — поторопился он ответить и отвернулся от меня, чтобы смахнуть непрошеные слезы.

В первый раз со дня кончины мамы я почувствовала себя снова счастливой. Мы ехали по тропинке, между рядами невысоких гор, в тихой долине Куры... А по берегам реки вырастали по временам в сгущающихся сумерках развалины замков и башен, носивших на себе печать давних и грозных времен.

Но ничего страшного не было теперь в этих полуразрушенных бойницах, откуда давно-давно высывались медные тела огнедышащих орудий. Глядя на них, я слушала рассказ отца

о печальных временах, когда Грузия стонала под игом турок и персов... Что-то билось и kloкотало в моей груди... Мне хотелось подвигов — таких подвигов, от которых ахнули бы самые смелые джигиты Закавказья...

Мы только к рассвету вернулись домой... Восходящее солнце заливало бледным пурпуром отдаленные высоты, и они купались в этом розовом море самых нежнейших оттенков. С соседней крыши минарета мулла кричал свою утреннюю молитву... Полусонную снял меня с седла Михако и отнес к Барбалэ — старой грузинке, жившей в доме отца уже много лет.

Этой ночи я никогда не забуду... После нее я еще горячее привязалась к моему отцу, которого до сих пор немного чуждалась...

Теперь я ежедневно стерегла его возвращение из станицы, где стоял его полк. Он слезал с Шалого и сажал меня в седло... Сначала шагом, потом все быстрее и быстрее шла подо мною лошадь, изредка потряхивая гривой и поворачивая голову назад, как бы спрашивая шедшего за нами отца, как ей вести себя с крошечной всадницей, вцепившейся ей в гриву.

Но какова была моя радость, когда однажды я получила Шалого в мое постоянное владение! Я едва верила моему счастью... Я целовала умную морду лошади, смотрела в ее карие выразительные глаза, называла самыми ласковыми именами, на которые так щедра моя поэтичная родина...

И Шалый, казалось, понимал меня... Он скалил зубы, как бы улыбаясь, и тихо, ласково ржал.

С получением от отца этого неоценимого подарка для меня началась новая жизнь, полная своеобразной прелести.

Каждое утро я совершала небольшие прогулки в окрестностях Гори, то горными тропинками, то низменным берегом Куры... Часто я проезжала городским базаром, гордо восседаю на коне, в моем алом атласном бешмете, в белой папахе, лихо заломленной на затылок, похожая скорее на маленького джигита, нежели на княжну славного аристократического рода.

И торгощи-армяне, и хорошенькие грузинки, и маленькие татарчата — все смотрели на меня, разиня рот, удивляясь моему бесстрашию.

Многие из них знали моего отца.

— Здравствуй, княжна Нина Джаваха, — кивали мне они головами и хвалили, к моему огромному удовольствию, и коня, и всадницу.

Но горные тропинки и зеленые долины манили меня куда больше пыльных городских улиц.

Там я была сама себе госпожа. Выпустив поводья и вцепившись в черную гриву моего вороного, я изредка покрикивала: «Айда, Шалый, айда!⁸» — и он несся, как вихрь, не обращая внимания на препятствия, встречающиеся на дороге. Он скакал тем бешеным галопом, от которого захватывает дух и сердце бьется в груди, как подстреленная птичка.

В такие минуты я воображала себя могущественной представительницей амазонок и мне казалось, что за мною гонятся целые полчища неприятелей.

— Айда! айда! — понукала я моего лихого коня, и он ускорял шаг, пугая мирно бродивших по улицам предместий поросят и барашков.

— Дели-акыз!⁹ — кричали маленькие татарчата, разбегаюсь в стороны, как стадо козлят, при моем приближении к их аулу.

— Шайтан девчонка! — твердили старухи, сердито грозя мне высохшими пальцами и недружелюбно поглядывая на меня из-под седых бровей.

И любо мне было дразнить старух, пугать ребят и нестись вперед и вперед по бесконечной долине между полями, усеянными спелой кукурузой, навстречу теплому горному ветерку и синему небу, манящему к себе своей неизъяснимой прелестью.

Как-то раз, возвращаясь с одной из таких прогулок с тяжелой виноградной лозой в руках, срезанной мною на ходу во время скачки при помощи маленького детского кинжала, подаренного мне отцом, я была поражена необычайным зрелищем.

На нашем дворе стояла коляска, запряженная парой чудесных белых лошадей, а сзади нее крытая арба с сундуками, узлами и чемоданами. У арбы прохаживался старый седой горец с огромными усами и помогал какой-то женщине, тоже старой и сморщенной, снимать узлы и втаскивать их на крыльцо нашего дома.

— Михако, — звонко крикнула я, — что это за люди?

Седой горец и сморщенная старушка посмотрели на меня с чуть заметным насмешливым удивлением.

Потом женщина подошла ко мне и, прикрываясь слегка чадрой от солнца, сказала по-грузински:

— Будь здорова в твоём доме, маленькая княжна.

— Спасибо. Будь гостьей, — ответила я по грузинскому обычаю и перенесла удивленный взгляд на седого горца, лошадей и коляску.

Заметя мое изумление, незнакомая женщина сказала:

— Эти лошади и это имущество — все принадлежит вашей бабушке, княгине Елене Борисовне Джаваха-оглы-Джамата, а мы ее слуги.

— А где же она, бабушка? — вырвалось у меня скорее удивленно, нежели радостно.

— Княгиня там, — и женщина указала по направлению дома.

Соскочить с Шалого, бросить поводья подоспевшему Михако и ураганом ворваться в комнату, где сидел мой отец в обществе высокой и величественной старухи с седою, точно серебряною головою и орлиным взором, было делом одной минуты.

При моем появлении высокая женщина встала с тахты и смерила меня всю долгим и пронизательным взглядом. Потом она обратилась к моему отцу с вопросом:

— Это и есть моя внучка, княжна Нина Джаваха?

— Да, мамаша, это моя Нина, — поспешил ответить отец, награждая меня тем взглядом восхищения и ласки, которым я так дорожила.

Но, очевидно, старая княгиня не разделяла его чувства.

В моем алом, нарядном, но не совсем чистом бешмете, в голубых, тоже не особенно свежих шальварах¹⁰, с белой папачой, сбившейся набок, с пылающим загорелым лицом, задорно-смелыми глазами, с черными кудрями, в беспорядке разбросанными вдоль спины, я действительно мало походила на благовоспитанную барышню, какую меня представляла, должно быть, бабушка.

— Да она совсем дикая джигитка у тебя, Георгий! — чуть-чуть улыбнувшись в сторону моего отца, проговорила она.

Но я видела по лицу последнего, что он не согласен с бабушкой... Чуть заметная добрая усмешка шевельнула его губы под черными усами — усмешка, которую я у него обожала, и он совсем серьезно спросил:

— А разве это дурно?

— Да, да, надо заняться ее воспитанием, — как-то печально и укоризненно произнесла бабушка, — а то это какой-то мальчишка-горец!

Я вздрогнула от удовольствия. Лучшей похвалы старая княгиня не могла мне сделать. Я считала горцев чем-то особенным. Их храбрость, их выносливость и бесстрашие приводили меня в неистовый восторг, я им стремилась подражать и втайне досадовала, когда мне это не удавалось.

Между мною и княгиней-бабушкой словно рухнула стена, воздвигнутая ее не совсем любезной встречей; за одно это сравнение я готова была уже полюбить ее и, не отдавая себе отчета в моем поступке, я испустила мой любимый крик «айда» и, прежде чем она успела опомниться, повисла у нее на шее. Вероятно, я совершила что-то очень неблагопристойное по отношению матери моего отца, потому что вслед за моим диким «айда» раздался пронзительный и визгливый голос бабушки:

— Вай-вай!¹¹ что это за ребенок, да уйми же ты ее, Георгий!

Отец, смущенный немного, но едва сдерживающий улыбку, оторвал меня от шеи старухи и стал выговаривать мне за мою необузданную радость.

Его глаза, однако, смеялись, и я видела, что мой милый красавец отец вместо выговора хочет крикнуть мне:

«Нина джаным, молодчина — горец. Джигит!» Этим возгласом он всегда поощрял все мои лихие выходки.

Между тем бабушка торопливо приводила в порядок свои седые букли и говорила сердитым голосом:

— Нет, нет, так нельзя, Георгий, ты растишь маленького бесенка... Что из нее выйдет, ведает Бог! Такое воспитание немислимо. Она ведь княжна старинного знатного рода!.. Наши предки ведут свое начало от самого Богдана IV! Мы царской крови, Георгий, и ты не должен забывать этого. Твой отец был обласкан государем, я имела честь представляться императрице, ты получил свое воспитание между лучшими русскими и грузинскими юношами и только в силу своего упрямства ты зарылся здесь, в глуши и не едешь в северную столицу. Мария Джаваха скончалась, — помяни Господь ее душу, — ее происхождение простой джигитки могло повредить тебе и помешать быть на виду, но теперь, когда она мирно спит под крестом, странно

и дико не пользоваться дарами, данными тебе Богом. Я приехала, сын мой, напомнить тебе об этом.

Я взглянула на говорившую. У нее было сердитое и важное лицо. Потом я встретила взгляд моего отца. Он стал мрачным и суровым, каким я не раз видела его во время гнева. Напоминание о моей покойной деде со стороны ее врага (бабушка не хотела видеть моей матери и никогда не бывала у нас при ее жизни) не растрогало, а скорее рассердило его.

— Матушка, — проговорил он, и глаза его загорелись гневом, — если вы приехали для того, чтобы враждебно говорить о моей бедной Марии, — лучше было бы нам не встречаться!

И он сильно задергал концы своих черных усов, что он делал лишь в минуту большого волнения.

— Успокойся, Георгий, — взволновалась старуха, — я ничем не обижу памяти покойной Марии, но я не могу не сказать, что она не могла быть воспитательницей твоей Нины... Дочь аула, дитя гор, разве она сумела бы сделать из Нины благовоспитанную барышню?

Отец молчал. Замолкла и бабушка, довольная впечатлением, произведенным ее последними словами.

В эту минуту взгляд мой нечаянно упал через раскрытую дверь в соседнюю комнату. Там на тахте лежал мальчик одних лет со мною, но ростом гораздо меньше меня и, кроме того, бледнее и воздушнее.

Он протянул худенькие, немного кривые ноги, с которых старая грузинка, виденная мною на дворе, снимала изящные высокие сапожки... Его хрупкое, некрасивое личико утонуло в массе белокурых волос, падавших на белоснежный кружевной воротничок, надетый поверх коричневой бархатной курточки. Старая грузинка, вместо снятых дорожных сапожек, надевала на его слабые, в черных шелковых чулках, ноги лакированные туфли с пряжками, каких я еще не видывала у нас в Гори.

Он вошел в зал, где мы находились, и остановился у двери, точно сошедший со старинной картины, какие я видела в большом альбоме отца, маленький паж средневековой легенды.

Я успела рассмотреть, что у него, несмотря на пышные белокурые локоны, живой рамой обрамляющие хрупкий продолговатый овал лица, некрасивый, длинный, крючковатый нос и маленькие, узкие, как у полевого мышонка, черные глазки.

— Кто это? — бесцеремонно указывая на крошечного незнакомца пальцем, спросила я.

— Это твой двоюродный брат, князь Юлико Джаваха-оглы-Джамата, последний отпрыск славного рода, — не без некоторой гордости проговорила бабушка. — Познакомьтесь, дети, и будьте друзьями. Вы оба сироты, хотя ты, Нина, счастливее княжича... У него нет ни отца, ни матери... между тем как твой отец так добр к тебе и так тебя балует.

Последние слова бабушки звучали некоторым ехидством.

— Здравствуй! — просто подошла я приветствовать моего двоюродного брата.

Он смерил меня любопытно-величавым взглядом и нерешительно протянул мне свою бледную, сквозящую тонкими голубыми жилками прозрачную руку, всю утопающую в кружеве его великолепных манжет. Я не знала, что мне с нею делать. Очевидно, мой рваный бешмет и запачканные лошадиным потом и пылью шальвары производили на него неприятное впечатление.

Наконец я догадалась пожать его худенькие, сухие пальцы.

Тогда он спросил:

— Вы девочка? — и скользнул недоумевающим взглядом по моим шальварам и папахе, лихо сдвинутой на затылок.

Я громко расхохоталась...

— Бабушка говорила мне, — продолжал так же невозмутимо маленький гость, — что я найду здесь кузину-княжну, но ничего не упоминала о маленьком брате.

Я захохотала еще громче; его наивность приводила меня в восторг, и к тому же я радовалась его бессознательной похвале; ведь он принял меня за мальчика!

Бабушка и отец тоже рассмеялись.

— Пойдемте в сад! — успокоившись, предложила я маленькому князю и, не дожидаясь его согласия, взяла его за руку.

Он беспрекословно повиновался и, не вынимая своих аристократических пальчиков из моей черной от загара, не по годам сильной руки, последовал за мною.

Я долго водила его по тенистым аллеям, показывая выведенные мною розы, повела в оранжерею за домом и угощала персиками... Он рассматривал все равнодушно-спокойными глазами, но от фруктов отказался, говоря, что у него больной желудок.

Я, никогда ничем не болевшая и наедавшаяся персиками и дынями до отвала, с жалостным презрением посмотрела на него.

Мальчик с больным желудком! Что может быть печальнее?

Но мое презрение еще больше увеличилось, когда Юлико задрожал всеми членами при виде ковылявшего по аллее навстречу нам орленка.

— Господи! откуда это страшилище? — почти со слезами вскрикнул он и спрятался за мою спину.

— Да он не кусается, — поторопилась я его успокоить, — это Казбек, ручной орленок, выпавший из гнезда и принесенный мне папиным денщиком. Ты не бойся. Можешь его погладить. Он не клюнет.

Но Юлико, очевидно, боялся и дрожал, как в лихорадке.

Тогда я подхватила Казбека на руки и прижала к своей щеке его маленькую голову, вооруженную громадным клювом.

— Ну, вот видишь, он не тронул меня, и ты можешь его приласкать, — урезонивала я моего двоюродного брата.

— Ах, оставьте вы эту скверную птицу! — вдруг пискливо крикнул он и весь сморщился, готовый расплакаться.

— Скверную? — вспыхнула я, — скверную? Да как ты смеешь оскорблять так моего Казбека!.. Да сам ты... если хочешь знать... скверный цыпленок...

Я вся покраснелась от негодования и не находила слов, чем бы больнее уколоть глупого трусишку.

Но он, казалось, мало обратил внимания на нелестное название, данное ему его дикой кузиной. Он только поежился немного и весь, точно нахохлившись, как настоящий цыпленок, выступал подле меня своими худыми, кривыми и длинными ножками.

Мы поднялись на гору, возвышающуюся за нашим садом, на которой живописно раскинулись полуразрушенные остатки древней горийской крепости.

С другой стороны, уступом ниже, лежало кладбище, на самом краю которого виднелся столетний кипарис, охраняющий развесистыми ветвями могилу мамы. Заросший розовым кустом могильный холмик виднелся издалека...

— Там лежит моя деда! — тихо произнесла я и протянула руку по направлению кладбища.

— Ваша мама была простая горянка; ее взяли прямо из аула... — послышался надменный голосок моего кузена.

— Ну, что ж из этого? — вызывающе крикнула я.

— Ничего. А вот моя мама принадлежала к богатому графскому роду, который всегда был близок к престолу Белого царя, — с торжественной важностью пояснил Юлико.

— Ну, и что ж из этого? — еще более вызывающе повторила я.

— А то, что это большое счастье иметь такую маму, которая меня могла выучить хорошим манерам, — продолжал Юлико, — а то я бы бегал по горам таким же грязным маленьким чеченцем и имел бы такие же черные, осетинские руки, как и у моей кузины.

Его крохотные глазки совсем сузились от насмешливой улыбки, между тем как руки, с тщательно отполированными розовыми ногтями, небрежно указывали на мою запачканную одежду.

Это было уже слишком! Чаша переполнилась. Я вспыхнула и, подойдя в упор к Юлико, прокричала ему в ухо, вся дрожа от злости и негодования:

— Хотя твоя мать была графиня, а моя деда — простая джигитка из аула Бестуди, но ты не сделался от этого умнее меня, дрянная, безжизненная кукла!..

И потом, едва владея собой, я схватила его за руку и, с силой тряся эту хрупкую, слабенькую руку, продолжала кричать так, что слышно было, я думаю, в целом Гори:

— И если ты еще раз осмелишься так говорить о моей деде, я тебя сброшу в Куру с этого уступа... или... или дам заклевать моему Казбеку! Слышишь, ты?!

Вероятно, я была страшна в эту минуту, потому что Юлико заревел, как дикий тур горного Дагестана.

В этот день, ознаменованный приехавшей к нам незнакомой мне до сих пор бабушкой, я, по ее настоянию, была в первый раз в жизни оставлена без сладкого. В тот же вечер ревела и я не менее моего двоюродного братца, насплетничавшего на меня бабушке, — ревела не от горя, досады и обиды, а от тайного предчувствия лишения свободы, которую я так чудесно умела до сих пор пользоваться.

— Барбалэ, о Барбалэ, зачем они приехали? — рыдала я, зарывая голову в грязный передник всегда мне сочувствующей старой служанки.

— Успокойся, княжна-козочка, успокойся, джаным-светик, ни одна роза не расцветет без воли Господа, — успокаивала меня добрая грузинка, гладя мои черные косы и утирая мои слезы грубыми, заскоружеными от работы руками.

— Лучше бы они не приезжали — ни бабушка, ни этот трусишка! — продолжала я жаловаться.

— Тише, тише, — пугливо озиралась она, — услышит батано-князь, плохо будет: прогонят старую Барбалэ. Тише, ненаглядная джаным! Пойдем-ка лучше слушать соловьев!

Но соловьев я слушать не хотела, а не желая подводить своими слезами Барбалэ — мою утешительницу, я пошла в конюшню, где тихим, ласковым ржанием встретил меня мой верный Шалый.

— Милый Шалый... светик мой... звезда очей моих, — перешла я на мой родной язык, богатый причитаниями, — зачем они приехали? Кончатся теперь наши красные дни... Не позволят нам с тобой скакать, Шалый, и пугать татарчат и армянок. Закатилось наше солнышко красное!

И я припадала головой к шее моего вороного и, цепляясь за его гриву, целовала его и плакала навзрыд, как только умеет плакать одиннадцатилетняя полудикая девочка.

И Шалый, казалось, понимал горе своей госпожи. Он махал хвостом, тряс гривой и смотрел на меня добрыми, прекрасными глазами...

Глава 3. Два героя. Абрек. Моя фантазия

Бабушка с Юлико приехали надолго, кажется, навсегда. Бабушка поселилась наверху, в комнатах мамы. Эти дорогие для меня комнаты, куда я входила со смерти деда не иначе как с чувством сладкой тоски, стали мне теперь вдруг ненавистными. Каждое утро я и Юлико отправлялись туда, чтобы приветствовать бабушку с добрым утром. Она целовала нас в лоб — своего любимчика-внука, однако, гораздо нежнее и продолжительнее, нежели меня, — и потом отпускала нас играть.

Из Гори приходила русская учительница, дававшая нам уроки — мне и Юлико. Мой кузен оказывался куда умнее меня. Но я ему не завидовала: теперь мне это было безразлично. Моя свобода, мои

чудесные дни миновали, и ко всему остальному я относилась безразлично.

С бабушкой приехало пять человек прислуги. Седой горец, как я узнала, был нукер¹² покойного деда и провел вместе с ним не один поход. Этот нукер, родом из Кабарды, бывший чем-то между дворецким и конторщиком в доме бабушки, сразу удостоился моего расположения. Между ним и папиным Михако установился род постоянных междоусобий по поводу вероисповедания, храбрости, выносливости грузин и горцев — словом, они спорили обо всем, о чем можно было только спорить, благо предметов для спора находилось немало.

Михако знал, что старый нукер был родом из мюридов¹³ — воинов грозного Шамиля, но, увлеченный львиною храбростью моего деда и образцовыми правилами русских солдат, ушел от своих и на глазах самого Шамиля предался русским.

Правда, он не дрался со своими, но сопровождал деда во всех его походах и был отличен не раз самим главнокомандующим, князем Барятинским.

Я любила до безумия рассказы старого Брагима и с этою целью не раз подговаривала Михако подзадорить нукера. Тот не заставлял себя долго просить для потехи «княжны-джаным», своей любимицы.

— А что, батоно, — начинал Михако, лукаво подмигивая мне глазом, — ведь, слышно, ваш Шамиль большой хвастун был?

— Нет, ага¹⁴ (они во время самых горячих споров иначе не величали друг друга), не говори так: Шамиль был великий вождь, и не было такого другого вождя у мюридов.

— Да что же он, сам-то уськал, уськал свой народ, травил его исламом, а как попался, так сам же с повинной пришел к нашему вождю. Ведь, небось, не бросился в пропасть, как в плен его взяли? Нет, привел-таки своих жен и сыновей, и внуков и сдал их на русское милосердие.

— Не говори, ага, того, чего не знаешь, — сурово останавливал Брагим. — Наши долго бились... долго осаждали... Непрístupное то было гнездо... На самой вершине гор засел вождь мюридов... В этой борьбе убили моего князя-орла... А мы все шли, все поднимались... В то время два ангела бились в небесах у Аллаха, белый и черный...

Белый победил... и сбросил черного в бездну... Задрожали горы, а с ними и гнездо великого Шамиля. И понял гордый старец волю Аллаха и открыл ворота крепости и вывел жен и детей своих... Я был рядом, за камнем белого вождя. Я видел, как белый вождь принял из рук Шамиля его саблю... кривую, длинную, изрубившую на своем веку немало урусов.

— Вот то-то и скверно, что он отдал саблю, батоно, лучше бы он себя самого этой саблей, — и Михако хладнокровно показывал рукой воображаемое движение сабли вокруг своей шеи.

Брагим недовольно крутил бритой головой. Он не одобрял втайне поступка Шамиля, но не хотел предавать своего бывшего вождя на суд уруса-грузина.

— Скажи, батоно, — начинал снова Михако, дав немного остыть старому нукеру от его воинского задора, — кто, по-твоему, скорее в рай попадет: наши или ваши?

— Аллах не делит людей на племена... У него только светлые и темные духи.

— А воины, мюридские или урусы, наследуют землю Магомета?

— Все храбрые, без различия племен и сословий: и уздени, и беки¹⁵, и вожди, и простые джигиты, все они одинаково дороги Магомету, — отвечал невозмутимо старик, сверкая из-под седых бровей своими юношески быстрыми глазами.

Я до страсти любила такие разговоры, особенно когда Брагим воодушевлялся и раскрывал передо мною дивные и страшные картины боя там, в далеких горных теснинах, среди стремнин и обрывов, под дикий шум горных потоков, смешанный с оглушительной пушечной пальбой и стонами раненых.

Я видела точно в тумане страшные крутизны, усыпанные, как мухами, нашими солдатами, лезущими на приступ... Их встречают градом пуль, лезвием шашек, криками «Алла!», «Алла!». И вот гнездо разрушено. Грозный вождь делается смиренным пленником и слезно молит о свободе. И белый и темный вождь долго смотрят друг другу в очи... Страшен и непроницаем этот взгляд... Тысячи русских и столько же горцев ждут решения. И что-то дрогнуло в сердце русского героя при виде пленного кавказского орла. Ему обещана милость устами князя, — обещано милосердие белого царя.

Хорошо это! дивно хорошо! И никогда раз видевший не забудет этой картины. А он ее видел — счастливец Брагим! О, как я ему завидовала!..

Кроме Брагима, с бабушкою приехала еще старая горничная, приветствовавшая меня в саду в первый день приезда. Ее звали Анной. С нею был ее внук Андро, маленький слабоумный камердинер Юлико, потом девушка Родам, взятая в помощь Анне, и еще молодой кучер и наездник, быстроглазый горец Абрек.

Отца я за это время видела мало. У него начиналась усиленная стрельба в полку, и он целые дни проводил там.

Прежде, бывало, я поджидала его за садом у спуска к берегу Куры, но бабушка нашла неприличными для сиятельной княжны мои одинокие прогулки, и они постепенно прекратились. С Шалым, к моей великой радости, я могла не расставаться. Правда, за мною теперь постоянно ездил Абрек или вечно задумчивый, блаженный Андро, но они мне не мешали. Ведь и раньше на более продолжительные прогулки меня не отпускали без Михако. Но Михако терпеть не мог подобных поездок, потому что уставал в достаточной мере за домашними работами и к тряске в седле не питал особого влечения.

Зато Абрек умел и любил ездить. Он показал мне такие места в окрестностях Гори, о существовании которых я не имела ни малейшего понятия.

— Откуда ты все это знаешь, Абрек? — удивлялась я. — Ведь ты не был ни в Алазани, ни в Кахетии.

— Иок¹⁶, — смеялся он в ответ, блестя своими белыми, как сахар, и крепкими зубами, — иок! не был.

— Откуда же ты знаешь? — приставала я.

— Абрек все знает. От моря до моря все знает. — И он прищелкивал языком и улыбался еще шире, отчего лицо его получало хищное и лукавое выражение.

В нем было что-то лживое. Но я любила его за отчаянную храбрость, за то, что он всюду поспешал, как птица, на своем быстроногом коне, забивавшем порой своей ловкостью и скоростью моего Шалого.

Бесстрашный и смелый на диво был этот Абрек.

Он выучил меня шутя джигитовке, потихоньку от бабушки, и когда я на всем скаку коня поднимала воткнутый в землю дагестанский

кинжалик, он одобрительно кивал головою и, прищелкивая языком, кричал мне:

— Хорошо! молодец! джигит будешь!

Я дорожила этими похвалами и гордилась ими.

Абрек был в моем понятии настоящим типом молодца-джигита.

С ним я выучилась всем тайнам искусства верховой езды и джигитовки и вскоре ничуть не уступала в ловкости своему учителю.

— Абрек! — кричала я в восторге от какой-либо новой ловкой проделки, — где ты выучился всему этому?

Он только смеялся в ответ.

— Горец должен быть ловким и смелым, а не то это будет баба-осетинка¹⁷, либо... — и тут он значительно подмигивал по направлению нашего дома, — либо княжич Юлико.

Если б бабушка услышала его слова, то, наверное бы, и дня не продержала под своей кровлей.

С Юлико у меня установились самые неприязненные отношения. Я не могла выносить его надменного вида, его женственно-нарядных костюмов, ни его «по-девчонски» причесанной кудрявой головы.

«О, этот уж не будет никогда джигитом!» — тайно злорадствовала я, встречая его на прогулке в саду, где он чинно выступал по утоптанном дорожкам, боясь запачкать свои щегольские ботинки, и прибавляла вслух, смеясь ему прямо в лицо:

— Княжич Юлико! а где же твои няньки? — Он злился и бежал жаловаться бабушке. Меня оставляли в наказание без пирожного, но это нимало не огорчало меня, и на следующий день я выдумывала новые способы раздражить моего двоюродного брата.

— Что с тобой, Нина? — как-то раз серьезно и строго спросил меня отец, застав меня и Юлико в самом горячем споре, — что с тобой, я не узнаю тебя! Ты забываешь обычай своей родины и оскорбляешь гостя в своем доме! Нехорошо, Нина! Что бы сказала твоя мама, если б видела тебя такую.

— О папа! — могла только выговорить я, задыхаясь от сухих рыданий, надрывавших мою грудь, и бросилась бежать со всех ног, чтобы не дать торжествовать Юлико.

О, как я его ненавидела! Вся моя детская душа собрала, казалось, изо всех тайников ее все злобные чувства гнева, обиды и презрения, чтобы вылить их на голову злополучного княжича.

— Барбалэ, я не могу, я не могу больше, — задыхаясь, говорила я моей поверенной, — я убегу отсюда, Барбалэ.

— Что ты? Христос и святая Нина, твоя покровительница, да будут над тобою! — шептала старуха и крестила меня своей заскорузлой рукою.

— Да ты понимаешь ли, что они внесли сюда горе, раздор и злобу! Ведь они сделали меня такою! Ведь разве я похожа на прежнюю княжну Нину!

— Эх, княжна-джаным, у всякого свое горе! — тяжело вздыхала Барбалэ.

Я понимала ее молчаливую тоску.

Дело в том, что с тех пор, как приехала бабушка со своим штатом, все заботы по дому и хозяйству, лежавшие на ней, перешли к Анне, горничной княгини. Теперь не Барбалэ, а Анна или хорошенькая Родам бегала по комнатам, звеня ключами, приготавливая стол для обедов и завтраков или разливая по кувшинам сладкое и легкое грузинское вино. Я видела, как даже осунулась Барбалэ и уже не отходила от плиты, точно боясь потерять свои последние хозяйственные обязанности.

— Бедная Барбалэ! Бедная старушка! — растроганно говорила я, глядя с любовью ее загорелые щеки.

— Бедная княжна, бедная джаным! Бедная сиротка! — вторила мне она, и мы обнимались крепко и горячо, как родные.

Как-то раз бабушка, всевидящая и вездесущая, услышала наши жалобы и прислала за мною Родам.

— Пожалуйте, княжна, княгиня просит, — лукаво улыбаясь, объявила мне она.

Я не любила Родам за ее чрезмерную привязанность к моему врагу Юлико, с которым она, взапуски с Андро, нянчилась, как с коронованным принцем. Я передернула плечами (эту привычку я переняла от отца) и стала медленно подниматься в комнаты бабушки.

Она меня встретила, красная, как пион, забыв в своем волнении все величие, достойное княгини, происходившей родом от самого Богдана IV, и, измерив всю меня враждебным взглядом, визгливо закричала:

— Так вот оно что, внучка! Вы бегаετε жаловаться на меня судомойкам и кухаркам... на меня — на вашу бабушку, желающую вам

только добра и пользы! Чем я вам не угодила, позвольте спросить, чем? Тем ли, что я прилагаю все мои старания, чтобы из скверного, необузданного мальчишки сделать хоть сколько-нибудь приличную барышню?.. Юлико сказал мне, что ты продолжаешь дразнить его, гадкая девчонка! Предупреждаю, если это будет продолжаться, я отниму у тебя лошадь и велю запрягать ее в фаэтон для Юлико, а ты будешь сидеть до тех пор дома, пока осенью я не отвезу тебя в институт!

Слова бабушки как громом меня поразили... Мне казалось, что земля уходит из-под моих ног!

Институт... возможность потерять Шалого и в конце концов жалобы, вечные жалобы этого противного Юлико...

— Нет... нет... ни за что не расстанусь с Шалым и не поеду в институт... Ведь не повезут же меня туда связанную в самом деле! А Юлико я ненавижу и никогда не перестану изводить его...

Так рассуждала я, и в голове моей зрели планы один другого замысловатее, как бы досадить ненавистному мальчишке.

Я вышла, шатаясь, из комнаты.

Моя злоба к Юлико разгоралась все сильнее и сильнее...

Мне живо стали представляться картины одна другой несообразнее, но полные огня и красок, на которые способно только пылкое воображение молоденькой южанки. Мне казалось, что я — могущественная из королев, веду непримиримую войну с моим родственником, тоже королем, Юлико. Мы бьемся долго, бьемся насмерть... Мои воины оказывают чудеса храбрости... Враги побеждены... Король их — мой пленник... Он стоит передо мною, весь закапанный кровью, со связанными за спиной руками, испуганный насмерть тем, что его ожидает. А его ожидает смерть. Этого требуют мои воины...

— Князь Юлико... то есть король (поправляю я себя мысленно), знаете ли вы, что будет с вами?

Он бледнеет, ноги его дрожат и подкашиваются... Он на коленях передо мною униженно молит о пощаде.

— Вы должны умереть, ваше величество, — говорю я (в такую минуту я не могу называть его иначе, и потом он, в моем воображении, был храбр и дрался, как лев).

Он поднимает ко мне бледное и прекрасное лицо... (Неприменно прекрасное... Юлико, король моей фантазии, не может обладать длинным носом и мышинными глазками настоящего Юлико.) Я читаю в его лице смертельный ужас.

Тогда я сзываю моих воинов звуком серебряного рога, такого именно, какой бывает только у героев и вождей, и говорю им:

— Я, ваша королева, прошу у вас милости для этого царственного пленника... Я отдаю вам за его жизнь все мои сокровища! Вы должны, вопреки обычаю предков, пощадить его!

И вожди и воины, пораженные моим великодушием, высоко поднимают меня на щите, как это делалось у древних народов, и молодой пленный король склоняется к моим ногам, целуя мои одежды.

— Вот как я тебе отомстила, Юлико! — кричу я ему и, забыв действительность, бегу, как безумная, по чинаровой аллее.

Мои щеки горят... Разметавшиеся косы хлещут меня по спине... Я натыкаюсь на Абрека, седлающего Шалого...

— Скорей, скорей, едем, Абрек! — кричу я в исступлении.

Но вдруг взгляд мой замечает ненавистную маленькую фигуру, приютившуюся в тени каштана, и я бросаю новое оскорбление Юлико — не королю воображаемой сказки, а настоящему Юлико с длинным носом и мышинными глазками:

— Слушай, князь-девчонка, если ты еще раз осмелишься сплетничать на меня бабушке, то я затопчу тебя копытами моего Шалого! Слышишь?

И вихрем уношусь в горы...

Глава 4. Бэлла. Неожиданная радость

— Нина! княжна-джаным! Сердце мое!

— Бэлла-радость!

— Золотая Нина!

— Бэлла! Бэллочка! Драгоценная.

Весь этот поток нежных имен вылился сразу с бурными поцелуями и горячими объятиями у ворот нашего сада, где стояли две чистокровные горные лошадки и два джигита в праздничных нарядах. В одном я узнала дедушку Магомета; другой, молодой, молодой,

быстроглазый, оказался моей хорошенькой теткой, сестрой покойной деды, Бэллой, дочерью Хаджи-Магомета-Брека. Хотя моя тетка была старше меня лет на 6 или на 7, но мы были с нею закадычными друзьями. Бэлла редко бывала в Гори, и потому ее громадные черные глаза так и сияли жадным любопытством.

— Золотая моя джаным, хорошенькая, изумрудная моя, яхонтовая... — тянула она своим певучим голоском, и смеялась и целовала меня, и звенела запястьями под голубым, золотом шитым бешметом.

— А мы ехали... долго... ехали... все горами... горами... останавливались только у духанов¹⁸, а ночевали в аулах... — рассказывала она, поминутно пересыпая свою речь веселым, детски-беспечным смехом.

— Как же ты без чадры, Бэлла? — удивилась я, зная, что дед Магомет строго придерживается обычаев горцев.

— Тсс! — лукаво погрозила она пальцем и покосилась на отца, дружески обнимающегося с подросшим папой. — Чадра под бешметом... Здесь урусы, а ваши женщины не прячутся под чадру... Я в гостях у урусов.

— Молодец Бэлла! Ай да дикая козочка, — рассмеялся мой отец и повел дорогих гостей к дому.

— А у нас новость, — шепотом сообщала я моему другу. — Приехала чужая бабушка... такая важная и сердитая... А с нею брат... двоюродный... Такой кудрявый... вот увидишь, и злющий, как голодный волчонок.

— Голодный волчонок! — подхватила Бэлла и громко, раскатисто рассмеялась.

На крыльце нежданных гостей встретила бабушка со своим неизменным Юлико.

— Здравствуй, Хаджи-Магомет, добро пожаловать, — насколько могла любезнее, приветствовала она деда, своего давнишнего врага.

— Здравствуй, княгиня, — сурово, без улыбки ответил старик, не любивший ее за ее чрезвычайную кичливость.

— Здравствуй, госпожа! — прозвучал звонко голосок Бэллы, и смеющееся, полное своеобразной прелести личико предстало перед старухой.

— Эта хорошенькая девушка — твоя дочь ага-Магомет? — обратилась бабушка к гостю.

Тот молча кивнул головою.

— Ты счастлив должен быть, ага, имея такую прекрасную дочь!.. — желая довершить любезность, продолжала бабушка.

— Будь благословенна Аллахом, госпожа, за твою доброту, — сурово произнес старик и остановил ласковый и грустный взгляд на дочери.

«Верно, он вспомнил деду», — подумала я и не ошиблась.

— У меня была и другая дочь, такая же прекрасная и добрая, но волею Аллаха она в раю... — тихо произнес он.

Всем стало грустно... Всем вспомнилась моя милая, незабвенная красавица мать.

— А вот это внук мой, княжич Юлико, — не без тайной гордости произнесла бабушка, выдвигая вперед своего любимца.

И вдруг веселое личико моей молоденькой тетки сморщилось от смеха, и задрожали, и запрыгали на ее груди звонкие золотые монисты и ожерелья.

Она без церемонии трогала пальцами бархатный костюмчик моего кузена, его отложной воротничок, его длинные, как у девочки, кудри и хохотала до упаду.

— Косы девушки... шальвары мальчика... ай да джигит! — кричала она, не стесняясь, между бешеными приступами хохота.

Мы с отцом не могли не улыбнуться, смотря на эту веселую и живую дикарку.

— Перестань, Бэлла! — строго прикрикнул дед, видя, что старая княгиня начинает краснеть от приступа досады и сам виновник этого смеха не знает, куда деться от смущения.

Смех прекратился, но Бэлла долго не могла успокоиться. Много позднее, с возрастающим хохотом, говорила мне:

— Я думала, это кукла... а он живой, настоящий... Джигитом будет.

И мы обе, и тетка и племянница, полные веселья и жизненного задора, умирали со смеху.

— Знаешь, зачем я приехала? джанночка, светик мой! — говорила мне она, увлекая меня на наше любимое место — под ветви густолиственной чинары, и быстро продолжала, не дожидаясь моего ответа: — Ведь Бэлла, не простая Бэлла, Бэлла счастливая... под

хорошей звездой родилась... Бэлла замуж идет за узденя... за богатого... всего много будет... и табун будет... и стадо будет... и золото... все!

— Бэллочка! — воскликнула я в ужасе, — ты замуж! Да ведь ты маленькая!

— Маленькая!.. — засмеялась она неудержимым смехом. — Так что ж? Мне лет много... Еще весна... и еще весна... и еще... три весны и еще... и Бэлла-старуха... и никто не женится на Бэлле... даже самый старый пастух...

— Да как же, Бэллочка, я-то? — чуть не с плачем вырвалось у меня.

— У-у, глупая джанночка! Ты моя подруга будешь, самая близкая... Сестра будешь... На свадьбе моей лезгинку плясать будешь. У-у, красавица моя, лань быстроглазая! душечка!

И она опять целовала меня крепко и восторгалась мною с живостью и горячностью ее азиатской природы.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ